

О НОВОЙ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2030 ГОДА

DOI 10.12345/2308-541X_2021_65_1_2

Е. А. ШВАРЦ, д-р геогр. наук, заслуженный эколог
Российской Федерации, Институт географии РАН;
А. Ю. ЯРОШЕНКО, канд. биол. наук, ОМНО «Совет
Гринпис»;
Д. Г. ЗАМОЛОДЧИКОВ, д-р биол. наук, Центр по экологии
и продуктивности лесов РАН;
Н. М. ШМАТКОВ, FSC России

На заседании Правительства Российской Федерации 28 января 2021 года обсуждена и одобрена Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года (далее — Стратегия) в новой редакции (предыдущая утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 года № 1989-р). Документ подготовлен в соответствии с поручением Президента Российской Федерации В. В. Путина (Пр-1816, п.2к-1) разработать и утвердить новую стратегию развития лесного комплекса в Российской Федерации, данного по итогам состоявшегося 29 сентября 2020 года совещания по вопросам развития и декриминализации лесного комплекса. Хотя объем новой редакции Стратегии существенно увеличился по сравнению с действующей в основном за счет разделов по государственному управлению лесами и лесному хозяйству, именно вопросы развития лесного хозяйства по-прежнему остаются наименее проработанной частью, в которой не учтены проблемы и ошибки управления лесами в предыдущие годы. Это ставит под вопрос выполнение Стратегии в целом, поскольку достижение многих ее целей, в том числе строительство новых капиталоемких перерабатывающих предприятий и производство основных видов лесной продукции, критически зависит от наличия доступных лесных ресурсов, перспектив и качества их воспроизводства в будущем.

Складывается впечатление, что авторы новой редакции готовили документ, ориентируясь в основном на представление середины прошлого века об экстенсивном освоении лесов как «одноразового месторождения бревен» и без

реальной оценки его эффективности, прежде всего в качестве инструмента освоения федерального бюджета в экологически значимых целях. Более того, многие части этого документа, что особенно видно по лесопромышленному разделу, составлены в период максимального подъема соответствующих мировых рынков, когда спрос и цена на лесобумажную продукцию были на весьма высоком уровне, и разработчики стратегии исходили из них при планировании уровня развития лесного комплекса. В настоящее время, в том числе по причине пандемии и общего экономического кризиса, спрос и цены существенно снизились. При этом при пересмотре и доработке Стратегии данные обстоятельства не нашли отражения в целевых показателях, что тоже является недоработкой. В этой связи важно и актуально скорректировать проблемы утвержденного текста Стратегии за счет качественной проработки плана ее реализации с привлечением к обсуждению ведущих ученых и практиков лесного сектора не на словах, а на деле. Чем скорее это будет сделано и чем более открытым будет этот процесс, тем больше шансов на то, что лесной сектор будет развиваться в правильном направлении.

ИСТОЧНИКИ ПРОБЛЕМ

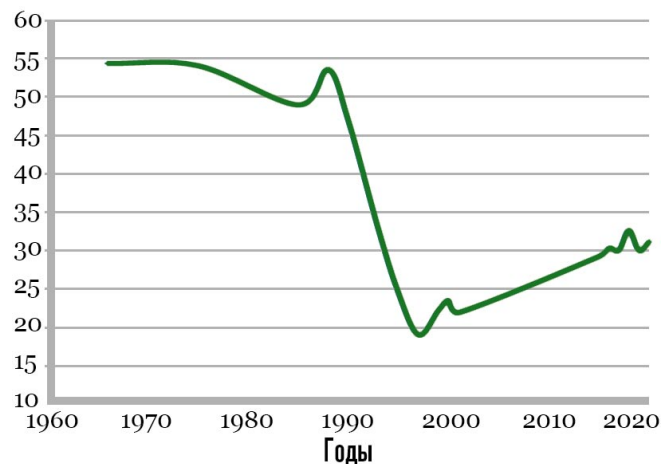
В новой редакции нет констатации того, что в стране давно отсутствуют безбрежные запасы лесных ресурсов — большинство лесов экономически недоступные и коммерчески малоценные (умеренные хвойные и хвойно-широколиственные леса сменились вторичными мелколиственными, огромные пространства заняты лиственными, имеющей ограниченное использование в лесной промышленности, скорость восстановления северотажных лесов очень медленная и т. п.). В этой связи очевидна необходимость отказа от уровня использования расчетной лесосеки как основного показателя оценки лесопользования и управления лесами, не имеющего экономического смысла без исключения из нее экономически недоступных лесов, и при наличии актуальной информации для ее расчета только по $1/7$ площади лесов страны (в настоящее время доля использования расчетной лесосеки равна 29–31 %). Использование не имеющего экономического смысла показателя дезинформирует руководство страны и правительство, приводя к неоправданным иллюзиям якобы о недоиспользуемых лесных ресурсах, а также к невыполнимым и экологически опасным требованиям о признании недобросовестными арендаторами тех, кто осваивает менее 70 % расчетной лесосеки. В результате многолетнего использования действующей методики ис-

числения расчетной лесосеки экономически доступные «известные» леса, эксплуатируемые в лесопромышленных целях, истощены рубками. Таким образом, требуется внедрение понятия «экономически доступная расчетная лесосека» (с исключением из расчета запасов экономически недоступных лесов) и переход к ее использованию в качестве более объективного показателя управления лесами. Кроме того, совершенно необходимо установление зависимости расчетной лесосеки от результатов воспроизводства лесов: существующий подход предполагает, что хозяйственно ценные лесные насаждения восстанавливаются за оборот (возраст) рубки, но на практике это в подавляющем большинстве случаев не так.

В тексте Стратегии справедливо констатируется существенно меньший вклад лесного комплекса в экономику Российской Федерации по сравнению с потенциальным и аналогичным показателем других стран, схожих с Российской Федерацией по объемам запасов и заготовки древесины (Россия — 0,8 % ВВП, Швеция — 3,8, Финляндия — 5,7 %), но авторы документа не учитывают, что это обусловлено не только большими мощностями глубокой переработки древесины в странах Скандинавии, но и их переходом в течение XX века сначала к интенсивному использованию лесов, управляемых с целью заготовки древесины, а затем к интенсивному лесному хозяйству, обеспечивающему полный цикл лесовыращивания. При этом нужно помнить, что главными конкурентами России в экспорте лесоматериалов круглых и с низкой долей добавленной стоимости в Китае являются достаточно индустриально развитые страны — Новая Зеландия, США, Канада и Австралия, а не Индонезия или Бразилия, например. Трудная ситуация в лесном секторе России в целом — результат сохранения и неоднократного воспроизводства архаической модели государственного регулирования после 1988 года с резким снижением использования расчетной лесосеки, что стало индикатором истощения экстенсивной модели лесопользования, когда углубление фронта рубок первичных лесов уже не могло быть экономически компенсировано из-за увеличения плеча вывозки древесины. Именно поэтому, несмотря на все попытки федеральных органов управления лесами увеличить использование расчетной лесосеки, данный показатель остается в 1,5–2 раза меньше, чем во времена плато советского экстенсивного лесопользования в последние 35 лет существования СССР (см. рисунок). В результате приходится констатировать пропорционально несоразмерное участие России на мировом рынке древесины во всех его сегментах (даже в сегменте необработанной древесины), учитывая и то, что половина лесного фонда страны расположена на мерзлотных почвах, где развитие промышленного лесного хозяйства связано с большими экологическими рисками.

Важно отметить, что и в Финляндии, и в Швеции государство активно вовлечено в лесопользование, но государственные компании (соответственно Metsähallitus Forestry Ltd. и Sveaskog) управляют в основном лесами, которые или имеют различный природоохранный статус, или ограниченно доступны для лесопользования (малопродуктивные северные леса) и поэтому менее экономически интересны для частных компаний. Опыт Беларуси и Польши, где так же как и в России, доминирует государственная собственность на леса, показывает, что успешное интенсивное использование и восстановление лесов экономически эффективно только при плотности лесных дорог, превышающей примерно 7 км на 1 000 га, и при наличии устойчивого спроса на дешевую мелколиственную древесину, которая в этих странах обеспечивается спросом рынков Евросоюза на pellets, а не строительством ЦБК. Сегодня средняя

Освоение расчетной лесосеки (2020 год — план), %

протяженность российских лесных дорог на 1 000 га, покрытых лесом, наименьшая в мире — чуть более 1,4 км, в то время как в Финляндии этот показатель составляет 90 км, в Австрии — 60, в Германии — 45, в Швеции — 11, в США — 10, в Норвегии — 9 км.

ОТСУТСТВИЕ МЕХАНИЗМОВ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ

В Стратегии констатируется, что «...арендаторы лесных участков недостаточно заинтересованы в воспроизводстве лесов, эффективном использовании лесосеки и развитии лесной инфраструктуры». Фактически авторы Стратегии признаются в том, что современная система платы за аренду лесных участков исходя из объема заготовки не стимулирует арендаторов к качественному воспроизводству лесов. В Стратегии, к сожалению, не предложены и не обсуждаются экономические механизмы стимулирования перехода к интенсивной модели лесопользования. Так, лесопромышленные компании (например, <https://www.kommersant.ru/doc/4636855>) предлагают перейти от взимания арендной платы за единицу объема древесины (учет которой всегда весьма коррумпированный процесс) к взиманию арендной платы за единицу площади арендованных лесных участков (с учетом различий в бонитете лесных земель), которая проверяется и космическим дистанционным зондированием, и аэрофотосъемкой, и одновременно фиксируется в независимом от Рослесхоза и арендаторов органе (Росреестр). Плата за площадь аренды должна стимулировать арендаторов к интенсификации лесовосстановления и лесовыращивания, так как все, что выросло за счет инвестиций в лесную инфраструктуру и ведение интенсивного лесного хозяйства, пойдет к ним в прибыль, а не увеличит арендные платежи.

ОТСУТСТВИЕ УЧЕТА ФАКТОРА ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Хотя Стратегией и признается возрастание фактора экологической ответственности¹, в ней фактически

¹ «Переориентация лесного хозяйства вызвана необходимостью обеспечения устойчивого управления лесами в условиях усложняющихся проблем сохранения и использования лесов, повышения международных, социальных, экологических и экономических требований к лесопромышленности. Лесное хозяйство все больше сталкивается с необходимостью адекватного реагирования на глобализацию рынков, применение новых технологий, рост конкуренции и ужесточение экологических ограничений».

не предусмотрено механизмов, направленных на реальное разрешение данных проблем. Несмотря на признание факта «наличия конфликтов, связанных с ужесточением экологических ограничений при освоении лесов», в тексте нет ни слова о том, как планируется их учитывать и предотвращать. Очевидно, что главный конфликт в данной сфере — это необходимость сохранения малонарушенных лесных территорий (МЛТ), что является не только важнейшим условием сохранения лесного биоразнообразия, но и одним из трех основных способов сохранения и увеличения климаторегулирующей роли лесов (наряду с сокращением масштабов пожаров и лесоразведением). Для конструктивного разрешения и недопущения данных конфликтов требуется законодательно установленный превентивный учет требований международных систем добровольной лесной сертификации, в том числе о сохранении МЛТ и об отказе от практики сдачи их в аренду без предварительного выделения и сохранения в статусе ООПТ или участков национального лесного наследия наиболее экологически ценных участков, чтобы не превращать добросовестных арендаторов в заложников бездеятельности органов управления лесами. Выделение особо экологически ценных участков МЛТ должно происходить в диалоге между лесопромышленниками, общественными и научными организациями. Такой диалог возможен: именно в ходе такого диалога созданы Уфтыго-Илекшский и Двинско-Пинежский заказники, Койгородский национальный парк, в общей сложности сохраняющие более 500 тыс. га МЛТ, критически важных для сохранения биоразнообразия и стабильности климата. Вообще, в Стратегии даже не упоминается о необходимости сохранения МЛТ и создании национального лесного наследия как лесов, не подлежащих промышленному освоению, что предусмотрено Основами государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года. С 2013 года не создано ни одной территории национального лесного наследия, хотя это, по идее, мог и должен быть конкретный и легко измеряемый показатель федерального проекта «Сохранение лесов» национального проекта «Экология».

Наоборот, как один из механизмов увеличения заготовки древесины к 2030 году до 286,1 млн м³ (на 36 млн м³ примерно за 10 лет) предусматривается «совершенствование правил и нормативов в отношении защитных лесов для обеспечения сырьем локальных рынков и существующих производств», что, вероятно, является анонсированием планов снижения природоохранных и лесозащитных требований в угоду лесообеспечению в староосвоенных регионах, которое неизбежно вызовет протесты населения и специалистов.

Хотя проект признает актуальность задачи «...поддержания генетического, видового, экосистемного и ландшафтного разнообразия лесов», под нее в Стратегии не предусмотрено целей и мероприятий. В то же время реальная проблема состоит в том, что более 70 % площади лесов страны не имеют в настоящее время промышленного назначения, но управляются так же, как и леса, предназначенные для заготовки древесины. В разделе Стратегии «Совершенствование охраны и защиты лесов» под совершенствованием охраны и защиты лесов понимается практически исключительно борьба с пожарами, что явно неправильно.

Несмотря на первое место в мире по площади FSC-сертифицированных лесов, что обеспечивает сохранение присутствия продукции лесного сектора России на наиболее экологически чувствительных рынках, в Стратегии не упоминается задача гармонизации норма-

тивно-правовой базы лесного хозяйства с требованиями добровольной лесной сертификации. Корпоративное требование сертификации по схеме FSC для поставщиков или (и) управления арендованными лесами имеют 18 из 19 крупнейших лесопромышленных компаний России (их сертифицированная продукция — это основная часть российского лесного экспорта!). В Беларуси и Польше, где, как и в России, доминирует государственная собственность на леса (100 % площади которых сертифицированы по PEFC, т. е. по «менее строгой» системе сертификации, основанной на проверке соответствия требованиям национальной нормативной базы) соответственно 80 и 70 % лесов сертифицированы по схеме FSC, поскольку PEFC как построенная на более низких экологических стандартах не на всех рынках пользуется адекватным спросом. Решение проблемы сохранения МЛТ и гармонизации российских лесохозяйственных нормативов с требованиями FSC, в том числе с целью облегчения деятельности российских лесоэкспортеров и обеспечения экспорта лесопромышленной продукции из России на внешние рынки, имеет самостоятельную ценность и важность.

Однако в разделе «Экологические риски» признается, что снижение экологических рисков достигается сертификацией российских предприятий, подтверждающей соответствие их деятельности стандарту ответственного управления лесами со стороны международных некоммерческих организаций.

ОТСУТСТВИЕ ПРОРАБОТКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

Экономическая обоснованность некоторых сценариев развития напоминает перечень желаний и вызывает в ряде случаях недоумение. Так, представляется маловероятным увеличение за 10 лет производства целлюлозы более чем в 2 раза: объем ее производства в России в 2019 году составил 8,3 млн т (8 место в мире); с учетом обеспеченности лесными ресурсами потенциал увеличения производства целлюлозы к 2030 году составляет 11,3 млн т, в том числе хвойной целлюлозы — 5 млн, лиственной — 6,3 млн т. Таким образом, очевидно, кем-то планируется построить еще минимум восемь ЦБК, хотя пока было объявлено о потенциальном начале строительства только двух (в перспективе пяти) ЦБК: одного–трех в Красноярском крае (хотя не факт, что будет построен хотя бы один, и что для его обеспечения хватит экономически доступных лесных ресурсов), по одному в Карелии и Амурской области,

в то время как владельцы существующих ЦБК обсуждают переориентацию лесообеспечения на леса на сельскохозяйственных землях староосвоенных регионов для устойчивости обеспечения ЦБК сырьем. Складывается впечатление, что учет обеспеченности лесными ресурсами опирается на гипотетический рост освоения расчетной лесосеки без учета фактора реальной экономической доступности лесов и стоимости развития необходимой для вновь построенных ЦБК лесохозяйственной дорожной сети.

В свое время председатель Комитета по природным ресурсам и природопользованию Государственной Думы А. С. Беляков требовал от государства финансовых гарантий для строительства ЦБК под неиспользуемый объем расчетной лесосеки, что никто не воспринимал всерьез. Любым финансовым институтам было очевидно, что при примерной стоимости современного ЦБК в 2,2 млрд долл. рисковать такими средствами под недоступные и во многих случаях несуществующие запасы древесины недопустимо.

Признавая, что «...развитие целлюлозно-бумажной промышленности не должно ставить под угрозу усилия по сохранению и поддержанию окружающей экологической и рекреационной обстановки», поскольку проблема с сохранением МЛТ не решена и не решается уже почти 20 лет, вероятно, лесопромышленные компании будут пытаться строить ЦБК в регионах старого освоения (нет МЛТ и выше плотность дорог). Но в этом случае возрастет фактор недоверия и протестов населения. Конкретный пример — ЦБК на Рыбинском водохранилище, который планировала построить компания «Свеза» и против которого активно выступало население Ярославля и Ярославской области. В результате проект не состоялся.

В других случаях не просчитаны и отсутствуют анализ финансово-экономических последствий предлагаемых изменений. Так, в последнее десятилетие прибыль лесопереработчиков (без учета производителей мебели) до налогообложения колебалась от 0 до 150 млрд руб., что примерно соответствует размеру планируемого повышения арендной платы. При подобном подходе лесопромышленный комплекс становится бесприбыльным и, соответственно, бесперспективным.

НЕРЕШЕННОСТЬ ПРОБЛЕМ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЛЕСОВ

Хотя Стратегией признается, что «...в России происходит неблагоприятный для лесной промышленности процесс замещения хвойных пород лиственными, связанный с низкой обеспеченностью рубками ухода», реальных мер по решению этой проблемы не предлагается. Фактически сохраняется ориентация только на самый ранний этап воспроизводства лесов — лесовосстановление, который по закону заканчивается бюрократическим обрядом перевода в покрытую лесом площадь. Но этот обряд по действующим правилам приходится лишь на середину периода ухода за молодняками и отнюдь не гарантирует, что на переведенной площади воспроизводство лесов окажется успешным (в абсолютном большинстве случаев не оказывается). Фактически предлагается тратить все больше сил на начальные этапы воспроизводства лесов, ничего не меняя с последующими, и это будет в чистом виде сизифов труд (как, впрочем, и сейчас, за редчайшими исключениями).

В Стратегии нет ни слова о необходимости лесовосстановления твердолиственных и смешанных хвойно-широколиственных и кедровых лесов, так же как и об отказе от лесовосстановления на неарендованных в лесопро-

мышленных участках хвойными монокультурами, которые, даже если и не заглушаются осиною и березой в отсутствие эффективных уходов, становятся одной из ведущих причин лесных пожаров (вспомним 2010 год, когда горели леса Московской, Воронежской и Нижегородской областей, которые имеют в первую очередь рекреационное и экологическое значения, но после окончания Великой Отечественной войны были восстановлены монокультурами ели и сосны).

Фактически сейчас в рамках федерального проекта «Сохранение лесов» национального проекта «Экология» финансируется не только обеспечение техники органов лесного хозяйства, но и экологическая деградация лесов самых экологически ценных регионов, например Дальнего Востока, поскольку экспорт особо ценных пород (дуб монгольский, ясень маньчжурский) превышает их официальную заготовку, по данным лесных деклараций, а в питомниках выращиваются только саженцы наиболее распространенных хвойных пород (ель, сосна и иногда лиственница), имеющих существенно меньшее значение для экологии, сохранения биологического разнообразия и обеспечения численности охотничье-промысловых животных. Похоже, Стратегия закрепляет негативный тренд.

В Стратегии признается, что плановая обеспеченность восстанавливаемых лесов рубками ухода в молодняках составляет 43, фактическая — 31 %. При этом игнорируется общеизвестный среди специалистов факт, что абсолютное большинство рубок ухода в молодняках проводится некачественно коридорным методом (потому что денег нет, а за результат никто «не спрашивает»). «Низкая обеспеченность создаваемых культур рубками, проводимыми в целях ухода за лесными насаждениями, приводит к их гибели». Возникает естественный вопрос: почему бы не сократить площадь посадок и не повысить соответственно число приемов и площадь рубок ухода в молодняках и агроуходов, а самое главное, качество этих мероприятий. Почему не предусмотреть в Стратегии включение показателей рубок ухода в молодняках и показателей качества этих работ в текст федерального проекта «Сохранение лесов» национального проекта «Экология»? В этой связи, по нашему мнению, продлевать реализацию федерального проекта «Сохранение лесов» до 2030 года имеет смысл только при условии соответствующей ревизии целевых показателей — введения соотношения площадей посадок, агроуходов и рубок ухода и количественных показателей восстановления наиболее экологически ценных пород (твердолиственных пород и кедровых сосен) и при отказе от показателя по саженцам с ЗКС для всех пород, кроме ели, сосны, кедровых сосен и лиственницы.

ОШИБОЧНЫЙ ПОДХОД К ИСПРАВЛЕНИЮ СИТУАЦИИ С ЛЕСОУЧЕТНЫМИ РАБОТАМИ

В Стратегии отмечается, что одной из проблем, сдерживающих развитие лесного комплекса, является отсутствие достоверных актуальных сведений об имеющихся лесных ресурсах (в списке проблем эта идет первой). В качестве основной меры по ее решению Стратегия предлагает возложение лесоустройства на землях лесного фонда на федеральные государственные учреждения. В Стратегии нет фактов и аргументов, обосновывающих, почему федерализация лесочетных работ может обеспечить позитивный эффект, особенно когда опыт последних 14 лет показал крайне низкую эффективность единственного такого учреждения (ФГБУ «Рослесинфорг») в части лесочетных работ. Например, в результате первого цикла государствен-

ной инвентаризации лесов (2007–2020 годы) практически значимых результатов получить не удалось. Наглядным подтверждением является тот факт, что в Стратегии результаты ГИЛ никаким образом не используются, хотя основной областью применения результатов выборочно-статистических исследований лесов должны быть именно стратегические оценки и планирование развития лесного комплекса. Сосредоточение всех полномочий по лесоустройству (от размещения государственных заказов или заданий до выполнения и приемки работ и контроля их качества) в одной структуре с подведомственными учреждениями может привести к похожим результатам, т. е. к дальнейшему снижению объемов и качества лесочетных работ. Никаких иных существенных мер по исправлению ситуации с лесоустройством Стратегия не предлагает.

Чтобы сформировать единую и актуальную информационную базу о состоянии, использовании, охране, защите и воспроизводстве лесов, которая сможет обеспечить поддержку принятия обоснованных управленческих решений по различным вопросам лесных отношений, нужны единые форматы для сбора и передачи данных (обеспечения автоматизированного сбора, ввода и обработки материалов лесоустройства), а не монополистическая национализация лесоустройства. Отказ от конкуренции всегда приводит к увеличению цены. Подразделения Рослесинфорга регулярно проигрывают тендеры на проведение лесоустройства, и эти проигрыши, вероятно, являются основным драйвером идеи национализации лесоустройства. Важно напомнить, что нефть и газ не менее значимы для экономического процветания страны, чем лес, но никто не предлагает национализировать геологоразведку!

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСАМИ

Нигде в Стратегии не упоминается важность реализации разных моделей управления разными по целевому назначению лесами в регионах с разными экономическими условиями (плотность дорог, донорство федерального бюджета или дефицитность регионального и т. п.). Важным условием решения данного комплекса вопросов является обеспечение возможности сосуществования различных региональных моделей лесного хозяйства и лесопользования, которые показывают свою эффективность: долгосрочная аренда на северо-западе европейской территории страны; государственный капитализм в Республике Татарстан (50–60 % финансирования осуществляется из бюджета региона, адекватный аналог — «Белгослес» в Беларуси); частные леса на землях сельскохозяйственного назначения; потенциальное создание государственной компании «Защитные леса России» — аналога Sveaskog в Швеции и Metsähallitus Forestry Ltd в Финляндии.

Одновременно нет ни слова об усилении и развитии общественного контроля, в том числе за выполнением мероприятий по лесовосстановлению и уходу за лесами, а также за объективностью актов лесопаталогических обследований.

ПОГЛОЩЕНИЕ ЛЕСАМИ УГЛЕРОДА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ

Появление показателя поглощения лесами углерода в принципе можно было бы приветствовать. В гра-

фе «Поглощение лесами углерода» приложения № 1 к Стратегии для различных сценариев приведены значения от 600 млн до 630 млн т С. К сожалению, эти цифры не соответствуют официальным материалам Российской Федерации по оценке стоков и источников парниковых газов, в частности Национальному кадастру парниковых газов и проекту стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. Согласно последнему Докладу о национальном кадастре парниковых газов, сток углерода в отечественном лесном хозяйстве в 2018 году составлял 184 млн т С в год, причем с 2010 года отмечается тенденция его уменьшения в связи с увеличением объема лесозаготовок. Приведенные в Стратегии цифры более чем в 3 раза больше. Кроме того, они показывают тенденцию к увеличению стока углерода на фоне увеличения объема лесозаготовок. Указанные различия количественных параметров Стратегии с официальными документами Российской Федерации следует признать крайне негативным фактом, не способствующим достижению долгосрочных целей по использованию лесного хозяйства для регуляции парниковых газов.

При формировании показателей по поглощению углерода предлагается опираться на проект стратегии долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, а величины выражать в % от 2020 года. В частности, величина поглощения углерода к 2030 году в лесном хозяйстве при инерционном сценарии составит 68,9 %, при базовом — 61,0, при стратегическом сценарии — 54,4 % от уровня 2020 года. Прогнозируемое снижение стока углерода связано с планами по увеличению объема заготовок древесины, а также с изменениями в возрастной структуре лесов, сформированной предшествующей историей нарушающих и управляющих воздействий на леса. Для поддержания стока углерода в леса России необходимы мероприятия по их охране и восстановлению, дополнительные к тем, которые включены в Стратегию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с изложенным предлагается начать разработку плана реализации Стратегии, обеспечив его реальное открытое обсуждение и диалог с профессиональным сообществом, включая лесопромышленные союзы, экологические неправительственные и экспертные организации (например, Научный совет РАН по лесу).

Продлевать реализацию федерального проекта «Сохранение лесов» до 2030 года имеет смысл только при условии соответствующей ревизии целевых показателей — введения соотношения площадей посадок, агроуходов и рубок ухода в молодняках, разработки и внедрения показателей их эффективности (собственно площадей молодняков целевых пород, созданных агроуходами и рубками ухода), количественных показателей восстановления наиболее экологически ценных пород (твердолиственных пород и кедровых сосен) и отказа от показателя по саженцам с ЗКС для всех пород, кроме ели, сосны, кедровых сосен и лиственницы.

Целесообразно сформировать рабочую группу с равным участием представителей профильных федеральных органов исполнительной власти, лесной промышленности, экспертного сообщества и экологических НПО для разработки проекта плана реализации Стратегии.